

"Раргх", - простонал он и упал на колени, безучастно глядя на деревья. Он пытался продвинуться вперед в надежде дотянуться до поющего дерева, но, как ни старался, не мог приложить даже малой силы, чтобы наклонить голову в его сторону. С каждой попыткой звуки становились все тише, пока лес не погрузился в ливень тишины - полной тишины. Тишина была настолько тяжелой, что даже насекомые пели в ее приглушенной мелодии, и только стук сердца эхом разносился по лесу, когда его обладатель погружался в дремоту.

Спустя несколько часов, под зов утренних птиц, можно было увидеть человека, который рассеянно шел без чувства направления, казалось, что он спит. Как только он добрался до края леса, где виднелись следы цивилизации, он проснулся.

Оглядев окрестности и свою наготу, он не смог удержаться и сказал первое, что пришло ему в голову.

"Аргх!"

Что бы это ни было на любом языке.

В тот момент, когда на него снизошло озарение или осознание, он запаниковал от своей ситуации - то, что можно назвать суеверным явлением. Как он ни старался, ему не удавалось успокоиться. Он пытался вспомнить, что произошло с ним до того, как он проснулся, и видел лишь вспышки образов, которые казались ему знакомыми и одновременно чужими. В тот момент, когда он попытался заставить себя вспомнить больше, на него обрушилась сильная головная боль... нет, не головная, а боль.

Боль настолько сильная, что ее чувствовало все его тело. Она была настолько сильной, что даже спустя несколько минут его тело все еще сотрясалось от одного только воспоминания о ней, когда он лежал, растянувшись на земле.

Спустя несколько минут он поднял себя с земли, так как боль утихла, и начал идти туда, где растений и деревьев было меньше, и нашел то, что выглядело как часто используемая тропинка. Бросив последний взгляд на свою обнаженную фигуру, он скрепя сердце пошел в ту сторону, откуда слышалось движение машин.

Идя медленно, он изо всех сил старался ни о чем не думать, так как страх боли сжимал его сердце. По возможности он не хотел бы больше никогда испытывать подобное чувство, но чем больше он старался не думать об этом, тем больше его мысли устремлялись в ту сторону.

Он изо всех сил старался не проникать мыслями дальше поверхности своих воспоминаний, так как каждый раз чувствовал, как в нем разгорается умопомрачительная боль.

Вспышки.

Образы. Ни одного целого.

Он пытался рассмотреть следующее движение этих образов, но каждый раз чувствовал, как колючая боль проникает в его разум.

Поскольку он ничего не мог сделать с этими образами, он попытался вспомнить что-то более инстинктивное, например свое имя, но ничего не получилось.

Свой дом? Ничего.

Его семья? По-прежнему ничего.

Сколько ему было лет?

В отличие от воспоминаний об образах, он не мог почувствовать ничего, указывающего на то, кто он такой. Хотя он чувствовал что-то вроде блока, мешающего ему вспомнить больше из образов, при попытке вспомнить что-либо о себе ничего не всплывало.

Все больше расстраиваясь из-за отсутствия воспоминаний, он не знал, что чувствовать. С одной стороны, он был зол, но на что? Он и сам не знал. С другой - он... он... не знал, что чувствует. Легкая обида на свое положение, подавленность из-за отсутствия личности - вот что он чувствовал, пока это медленно сгуšťалось в гнев.

Он тряс головой, пытаясь выплеснуть свои эмоции, но этого было недостаточно. В поисках лучшего способа освобождения, когда он почувствовал, что в его легких что-то нарастает, он позволил себе довериться инстинктам...

Рог рога

Едва он успел опомниться, как отпрыгнул назад, чтобы избежать грузовика, который чуть не протаранил его из-за того, что он погрузился в свои мысли.

"Убирайся с дороги, парень!" крикнул водитель грузовика, остановившись, чтобы посмотреть на голого парня, выходящего из леса и выглядящего так, будто он только что воскрес из мертвых, с бледно-белой и впалой кожей.

Остановившись еще дальше, он включил задний ход и поехал обратно к парню, который стоял на том же месте с таким видом, будто только что увидел призрака, что было вполне очевидно, учитывая, что он все еще был в шоке, так как грузовик чуть не проехал мимо него.

Выйдя из грузовика, водитель во второй раз посмотрел на голого ребенка и выругался: какой же псих разденет ребенка догола, заморит голодом и бросит в лесу посреди пустыни.

"Да, парень! Есть куда идти?"

Парень-зомби смотрел на него так, словно увидел инопланетянина или что-то в этом роде.

"Знаешь что? Залезай, и я подвезу тебя до ближайшего города в двух милях отсюда", - сказал водитель, щелкая языком и бормоча что-то о сумасшедших уродах.

Он жестом указал на мальчика, который настороженно смотрел на него.

"Ну, пойдем. Мы должны тебя одеть и накормить", - сказал он, подталкивая мальчика и поднимая его на сиденье.

Быстро развернувшись, он забрался в грузовик и порылся в нем в поисках одеяла или чего-нибудь еще, чтобы обернуть ребенка, так как на улице было холодно, а мальчик, судя по тому, как побелела его кожа, вероятно, пролежал там всю ночь - возможно, переохлаждение, черт возьми.

Найдя поношенную тряпку, он обернул ее вокруг ребенка, снял куртку и укрыл мальчика, одновременно задвинув окна, чтобы в грузовик не проникал холодный воздух.

Убедившись, что мальчику удалось найти временное убежище, он нажал на газ и, соблюдая

скоростной режим, помчался в ближайшую деревню, расположенную в двух милях.

За рулем он отыскал в своей голубятне полусъеденную булочку с колбасой и бутылку воды и передал ее мальчику, который приклеился к ней глазами. Фигуры.

"Притормози, тигренок, он никуда не денется", - сказал он парню, который принялся поглощать булочку так, будто его неделю не кормили.

"Так у тебя есть имя, малыш?" спросил он мальчика, который перестал есть и уставился на него, открывая и закрывая рот, но не произнося ни слова.

"Не можешь говорить?" Последовал еще один вопрос, который означал молчание.

"А как насчет родителей, кому-нибудь позвонить?" На этот вопрос он лишь покачал головой.

"Черт! Ладно, тогда как насчет имени или откуда ты родом, а?"

"Ты должен мне помочь, парень, ну да не важно, надеюсь, когда мы доберемся до города, будет заявление о пропаже человека или что-то в этом роде".

Что бы он ни говорил, в ответ получал лишь молчание и нечастое покачивание головой.

"Проклятые уроды".

Он снова выругался при мысли о том, кто из психопатов сделал это с маленьким, едва стоящим на ногах ребенком.

Он снова посмотрел на ребенка, но тот не выглядел таким уж взрослым, возможно, ему было лет двенадцать или тринадцать, потому что он не мог определить это по тощему виду и бледной коже.

Оставшуюся часть пути он ехал в тишине, сосредоточившись на дороге и поглядывая на своего пассажира, а тот продолжал смотреть вперед, не говоря ничего, что могло бы хоть немного помочь его ситуации.

Проехав чуть больше пяти минут, он миновал знак на обочине дороги "Добро пожаловать в округ Бикон-Хиллз".

"Ну, парень, мы уже почти приехали, так что держись и надейся, что кто-то там, возможно, ищет тебя".

2Въехав в округ, водитель направился к округу шерифа Бикон-Хиллз, поскольку это было единственное место, где, по его мнению, парень мог получить помощь, что бы с ним ни случилось.

Потребовалось меньше пяти минут, чтобы добраться до округа шерифа, который представлял собой двухэтажное здание с несколькими полицейскими машинами, припаркованными у входа, и несколькими полицейскими, которые ходили вокруг, вероятно, патрулируя.

Водитель вышел из грузовика и подошел к парню, чтобы помочь ему спуститься, чем не преминул привлечь внимание проходящих мимо полицейских.

Не обращая особого внимания на взгляды, он вошел в участок и направился прямо к стойке администратора.

"Могу я поговорить с шерифом, пожалуйста, у меня тут кое-что тревожное", - только и сказал он, обменявшись взглядом с дежурной, а затем перевел глаза на мальчика, державшего его за руки.

<http://tl.rulate.ru/book/102962/3565435>